

Глава 12. Цзян Жуцзин — лучший инструмент для прокачки

Сознание Цзян Жуцзина было разбито вдребезги во время того рокового грозового бедствия. Несмотря на шестьсот лет глубокого сна, за которые он пытался восстановить истощенные силы, сейчас его духовное восприятие охватывало лишь крохотную зону — от силы пять метров. Зато в этом малом круге ни одно движение, ни один вздох не могли ускользнуть от его надзора.

И вот теперь кто-то незаметно подобрался к нему со спины. Жуцзин кожей ощутил чужое дыхание, коснувшееся его макушки.

«Пришли за Гу Фэем?»

Цзян Жуцзин, всегда готовый подставить «товарища по дао», лишь бы самому остаться в стороне, мгновенно принял облик испуганного мальчишки. Он вздрогнул и с нескрываемым ужасом обернулся.

— Да... да. А вы кто?

Перед ним стоял высокий мужчина в кепи с плоским верхом. Его фигура — под два метра ростом — нависала над щуплым подростком, подавляя самой своей массой.

Лицо незнакомца сочетало в себе изящество и ту особенную мужскую красоту, что кажется поначалу безвредной. Мягкие контуры, элегантные брови, изогнутые полумесяцами, и иссиня-черные глаза с лукавым прищуром. Подбородок он держал чуть вскинутым — в этом жесте сквозила уверенность человека, привыкшего взирать на мир свысока. Каждая черта его лица дышала благородством и изыском, но в то же время за этим фасадом чуялась бездна, внушающая инстинктивный страх.

Мужчина не ответил. Он лишь улыбнулся, и в уголках его глаз заплясали искорки. Ложь сорвалась с его губ так легко, словно он упражнялся в ней всю жизнь:

— Я хотел взять Гу Фэя в ученики, но он отказал. Сказал, что учитель у него уже есть. Ты ведь живешь с ним, малец, не знаешь, кто это?

Он спрашивал прямо, в лоб. Жуцзин и сам предпочитал действовать без обиняков, а потому привычно подстроился под тон собеседника. Захлопав ресницами, он пропищал:

— Я не знаю... Я тут недавно поселился. Гу Фэй со мной вообще не разговаривает.

Он замялся и робко добавил:

— Большой брат, я раньше не видел вас в округе.

Мужчина открыл глаза и посмотрел на него с едва уловимой усмешкой.

Со стороны казалось, что они просто стоят друг против друга у порога, но в голове у одного из них в этот момент бушевала настоящая буря.

«Двойка! Двойка, живо на связь!» — вопил в своем сознании Ли Ле.

Ему ответил слабый, сонный девичий голос:

«Ну кого ты там опять... обзываешь...»

«Скажи мне быстро, чем закончилось дело с Цзян Жуцзином в прошлом мире?»

Голос в голове тяжело вздохнул:

«Тебе ли не знать? Ты же сам всё видел».

«А был ли у него хоть один шанс выжить?»

«К чему ты клонишь?»

«А ты посмотри, что за чудо-юдо передо мной стоит».

«Что?»

«Глаза разуй».

В чертогах разума розовый пухлый комочек, напоминающий рисовый колобок, с трудом приоткрыл веки и выглянул наружу. Его тут же словно током ударило.

«Ли... Ли Ле! Как у тебя с ментальным щитом?! Срочно укрепляй!»

«Стабильнее некуда. Даже Система №1 не прочухает, о чем мы тут болтаем», — уверенно отозвался Ли Ле.

Колобок наконец выдохнул, но в его голосе всё еще дрожала тревога:

«Мне страшно. Откуда здесь взялся Цзян Жуцзин?»

Ли Ле мысленно хмыкнул:

«Значит, и правда он...»

Люди могут ошибаться, но сигнатура ауры, зафиксированная Системой, — никогда.

«Только он какой-то мелкий», — пробормотала Двойка.

«И выглядит так, будто его очень легко обидеть», — невозмутимо добавил Ли Ле.

«Будем обижать?»

«Обязательно», — отрезал Ли Ле.

«И как же?»

Ли Ле расплылся в улыбке и обратился к Цзян Жуцзину:

— Хочешь знать, кто я такой? Ладно. Скажи, как тебя зовут, а я назову свое имя.

Жуцзину стало не по себе. Странное, липкое чувство беспокойства шевельнулось в груди, но он отогнал его. «Лишь бы не Се Чжицзянь, — подумал он. — Остальные не так опасны».

— Меня зовут Цзян Чэн.

— А-а... Цзян Чэн... — Ли Ле улыбнулся так широко и довольно, что Жуцзин запоздало осознал: что-то здесь не так.

Эта улыбка лучилась торжеством. Настолько явным, что даже Жуцзину стало не по себе.

— А ну пошел прочь!!! Отойди от него!!!! — донесся издали яростный рев, раскатившийся над всем островом Айлань.

Лицо мужчины в кепи мгновенно лишилось всяких эмоций. Жуцзин уже видел когда-то это выражение.

Ли Ле издевательски ухмыльнулся.

— Поздно, — бросил он.

В его сознании чистый, как звон колокольчика, голос Системы возвестил:

[Объект заблокирован: Цзян Чэн]

[Назначить объект «Цзян Чэн» целью прохождения в данном мире?]

«Да».

[Блокировка завершена. Цель прохождения: Цзян Чэн]

[Текущий уровень дружелюбия: 100]

[Поздравляем Хозяина с завершением прохождения в данном мире! Пожалуйста, выберите время для отбытия в течение трех месяцев]

«Идеально!»

Следом за сияющей улыбкой Ли Ле последовал сокрушительный удар «Копья верховного владыки»!

Ли Ле молниеносно выхватил из-за спины «Нож мясника», принимая удар на сталь. Используя инерцию столкновения, он легко, словно птица, отлетел назад и приземлился на крышу соседнего дома.

Хуа Тинфан заслонил Жуцзина собой, выставив копьё вперед. Его глаза, налитые кровью, были прикованы к фигуре человека, который вечно всё превращал в фарс.

Буквально мгновение назад в глобальном рейтинге очков Мета-системы имя Ли Ле взлетело на первую строчку, потеснив прежнего лидера. Хуа Тинфан даже боялся представить, что сейчас чувствует человек у него за спиной. Тот наверняка еще не понял, что произошло.

Если бы Тинфан не увидел это собственными глазами, он бы никогда не поверил, что этот ребенок и есть тот самый человек! Некогда великий мастер, чья мощь не знала преград, чьи глаза горели огнем жизни, теперь превратился в это жалкое, источающее запах гниения воплощение!

Тинфан вспомнил их недавнюю встречу. Он ведь просто слегка потянул, и рука этого существа оторвалась, а тот даже не посмел возразить, лишь понуро ушел прочь, страшась чужой силы.

Сердце Хуа Тинфана сжалось.

«Он, должно быть, прошел через круги ада, чтобы вымолить у судьбы шанс на спасение после той кары... Должно быть, перенес невыносимые страдания, прежде чем сумел отыскать путь в этот мир».

Захлестнутый чувствами, Тинфан уже готов был броситься в бой, но ледяное «Стой!» заставило его замереть.

Он застыл, не оборачиваясь.

— Сначала я разберусь с ним, а потом мы поговорим.

— Мне это не нужно! — голос за его спиной был холодным, как арктический лед. В нем слышалась ненависть, достигшая своего предела.

Лицо Хуа Тинфана исказилось от боли. А Ли Ле, обладавший острым умом и быстрой реакцией, мгновенно сопоставил факты. Он вспомнил, что в конце прошлого мира Цзян Жуцзин мог слышать системные оповещения, и понял, что эти двое уже встречались раньше. Картина прояснилась сама собой.

Он коротко рассмеялся:

— Ты обознался.

Фраза прозвучала странно, без начала и конца, заставив и Жуцзина, и Тинфана впериться в него взглядами.

Ли Ле, словно вспомнив какую-то забавную шутку, стер с лица легкомысленную мину. Он медленно закрыл лицо ладонью и так же медленно отвел руку в сторону.

В этот миг время словно повернуло вспять, а пространство надломилось.

Тело, созданное из корней цветов айлани, не знало ни крови, ни слез. Но в это мгновение глаза Жуцзина внезапно застлала невидимая пелена.

— Сяо Се... — выдохнул он. Имя прозвучало хрипло, надтреснуто, с затаенной нежностью.

Это было лицо, которое он видел впервые в жизни.

Но выражение этого лица... В нем читалась такая бездонная преданность и любовь,

проникающая до самых костей, что сомневаться не приходилось.

— Сяо Се...

— Сяо Се, Сяо Се, Сяо Се...

Жуцзин словно впал в забытие, повторяя это имя снова и снова — то ласково и мягко, то с такой яростью, будто хотел вгрызться в чужую плоть.

Ли Ле сиял от счастья. Не было для него ничего слаще, чем найти способ так легко сорвать куш в этой системной игре.

Он двигался быстрее, чем человеческий глаз мог уловить. Спрятав нож, он сократил дистанцию, мощным ударом ладони, напитанной внутренней силой, отшвырнул Хуа Тинфана в сторону и обхватил ладонями мертвенно-бледное лицо Жуцзина. Он тихо, торжествующе рассмеялся.

А затем, прильнув к этим бескровным губам, он вовлек его в поцелуй. Ли Ле лизнул чужие губы, а затем резко, до боли, прикусил их.

— Меня зовут Ли Ле, — прошептал он прямо в рот Жуцзину. — Я так рад... так счастлив, что ты пришел за мной.

Он толкнул языком сомкнутые зубы, проникая глубже, и вдруг... замер. Ли Ле широко распахнул глаза и отстранился, глядя на Жуцзина с нескрываемым любопытством.

— Ого... Так это всего лишь кукла... Ну и паршиво же тебе живется, бедняга.

Жуцзин смотрел на него покрасневшими глазами. Его лицо исказилось в судороге. Стиснув зубы, он выдавил из себя каждое слово:

— Что... ты только что... со мной сделал?

Ли Ле кокетливо подмигнул:

— Хм? Мы же просто поиграли в поцелуйчики!

Заметив, что выражение лица Жуцзина не изменилось, он картинно всплеснул руками:

— А! Ты про тот момент, когда примчался Фанфан? Ну, чего и ожидать от Даоцзуня Жуцзина: хоть ты и придурковат, а наблюдательность всё та же!

Заметив периферийным зрением, что Хуа Тинфан снова несется к ним, Ли Ле быстро чмокнул Жуцзина в губы еще раз.

— А ты угадай.

Призрачный силуэт внезапно растворился в воздухе. Удар Жуцзина пришелся в пустоту.

Ли Ле исчез, а Хуа Тинфан наконец добежал до места схватки.

Ночь уже полностью вступила в свои права. Тусклые уличные фонари едва разгоняли мрак. Резкий порыв ветра заставил Жуцзина поежиться.

Он молча отвернулся и пошел к двери, чтобы сделать то, что собирался с самого начала — отпереть замок и войти в дом.

Тинфан хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он остался стоять на улице, прямой и неподвижный, как изваяние.

— А ты... кого из моих знакомых изображаешь? — внезапно раздался хриплый голос Жуцзина.

Тинфан не успел ответить — старая железная дверь со скрипом закрылась перед его носом.

Вслед за этим отсутствующим взглядом до него донеслось глухое:

— Впрочем, забудь. Я не хочу знать.

Эта фраза заставила его замолчать, и то ласковое обращение, что он хотел произнести, так и осталось застрявшим в горле.

***

Снова ночной берег. Снова тот самый нож мясника в руках.

Синяя кепка валялась где-то в стороне. Лицо Ли Ле светилось почти безумным восторгом.

— Как я рад, как я рад, как я рад!

— Он точно пришел за мной!

— Он нашел способ пробраться даже в этот мир!

— Он просто невероятен!! Я так его люблю, так люблю!

— Я обязательно!..

Ли Ле едва не подпрыгивал от возбуждения. Его щеки горели лихорадочным румянцем, голос дрожал от с трудом сдерживаемого экстаза.

— Я обязательно...

А затем, словно по щелчку, вся радость и возбуждение мгновенно испарились.

Он замер, глядя перед собой остекленевшими глазами. Неподвижный, пустой, словно сломанная марионетка.

«Ты — Ли Ле».

<http://bllate.org/book/17530/1701981>